

же — поэт и писатель Николай Белогорский) написал стихотворение, обращенное к Врангелю в Галлиполи:

Генералу Врангелю

Два штандарта в вашем тесном кабинете,
В сонных складках шелка память славных дат.
Помните ли жест на конном стилизованном портрете?
Вам теперь осталась лишь любовь израненных солдат.

Вы ходить любили быстрыми шагами, —
Но теперь так много заповедных черт.
Палубу тюрьмы так много раз измерили вы сами:
Ваш «Корнилов» был куда просторней; он ушел в Бизерт.

Помните ли ночь с кострами над Червленной?
Божьи звезды в небе с звездами ракет?
Площадь и собор? Привет Царицынской толпы влюбленной?
В дни побед вы были всё такой же, как теперь, — аскет.

Помните дни мая, выход наш из Крыма?
Как за поездом бежали казаки?
А теперь мечта Архистратига скрылась в клубах дыма.
За чужой неласковой оградой Русские полки.

Ваши казаки под стражей сенегальцев,
И корниловцы в тоскливых лагерях.
Но с тех пор, как ваша армия — лишь армия скитальцев,
Даже Русский ветер скован и не смеет дуть в степях.

И в тот скорбный миг, когда вас победили,
Вашей родины окрепли кандалы;
И свобода умерла в тот час, когда морские мили
Начали считать вы, глядя на соленые валы.

Как я жду, чтоб ваша армия воскресла!
Конница пойдет, удилами звеня;
Вы оставите каюту и привинченные кресла, —
В поле так весенне, — сядете вы снова на коня...

А пока штандарты в вашем кабинете.
Спит и не проснулась память славных дат.
И живет лишь жест на конном стилизованном портрете...
Вам осталась лишь любовь израненных солдат.

Сесть на коня Врангелю больше не довелось.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В эмиграции Врангель оставался приверженцем монархической идеи, но считал, что ее нельзя выдвигать открыто, поскольку это может оттолкнуть многочисленные разношерстные эмигрантские круги от кадетов до социалистов.

Шестнадцатого января 1922 года Врангель ответил на письмо бывшего донского атамана П. Н. Краснова, предлагающего открыто выдвинуть лозунг «За Веру, Царя и Отечество»:

«Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской Армии.

Я останавливаюсь на слове “сознательно”, так как хотел этим подчеркнуть, что нынешняя Русская армия, в отличие от старой, императорской, стала сознательной, но, конечно, не в дурном, опошленном революцией смысле этого слова, а в лучшем его значении.

Тяжелые испытания последних годов, а в особенности пребывание на чужбине, научили многому каждого из чинов армии, до простого солдата включительно. Патриотизм, любовь к Отечеству, преданность престолу стали понятиями осознающими, продуманными и прочувственными, а отнюдь не механически воспринятыми на “занятиях словесности” и поверхностно усвоенными. Вместе с тем на первое место выдвигается понятие о “Родине”, и яркое сознание необходимости посвятить себя служению Родине является той полной нравственной силой, которая связывает всех чинов армии в единое стройное целое и которая позволила ей выйти победительницей из пережитых ею испытаний.

В императорской России понятие “монархизма” отождествлялось с понятием “Родины”. Революция разорвала эти два исторически неразрывных понятия, и в настоящее время понятие о “монархизме” связано не с понятием о “Родине”, а с принадлежностью к определенной политической партии.

Нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный процесс завершится, причем вне всякого со стороны насилиственного воздействия, пока оба эти понятия не станут вновь однородными, пока понятие “монархизма” не выйдет из узких рамок политической партии, армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной первоочередной задачей...

Те или иные лозунги могут быть провозглашены в армии лишь тогда, когда они сделаются достоянием многочисленного русского народа, когда они стихийно зальют русскую землю, поглотив в себе все прочие чуждые народу, ему силой навязанные, непонятные ему идеи.

Идея служения Родине сама по себе так велика, диктуемые ею задачи так многообразны, что в ней, в этой всем понятной идее, надо искать то начало, которое должно объединить ар-

мию, народ и все государственно мыслящие и любящие Родину элементы».

О том же Врангель 12 января 1922 года писал публицисту и историку Русской православной церкви А. В. Карташеву: «...Политическое “кредо” Армии ясно и высказывалось многократно и мной, и моими ближайшими помощниками, в частности С. Н. Ильиным в Париже в заседании Бюро национального комитета: Армия ведет борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество. Она не пойдет за теми, кто захочет навязать России, помимо воли народа, тот или иной государственный правопорядок, но станет на страже того порядка, который будет установлен действительно свободным изъявлением народной воли. Вы бесконечно правы, говоря, что требуется величайшее терпение и величайшее искусство разобраться в той сложной обстановке, в которой протекает теперь эта воля народа. Один неверный шаг может вызвать недоверие народных масс, и тогда дело возрождения России опять может затянуться на несколько лет.

Эта кропотливая работа проникновения в психологию масс с чистыми национальными лозунгами может быть выполнена лишь при сознательном отрешении от узко партийных, а тем более классовых доктрин и искренности в намерениях построить государство так, чтобы построение удовлетворяло народным чаяниям.

Строить придется в потемках, а потому строителям нужно быть сугубо осторожными, дабы не разрушилось воздвигаемое ими здание...»

Всё прошлое России, считал Врангель, говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай бог, если строй этот будет навязан силой штыков или белым террором. Если же в России волей народа установится республиканская форма правления, каждый честный монархист должен будет с этим примириться и быть вернейшим слугой своей Родины.

И снова барон призывал к единению рядов эмиграции:

«...если она претендует на то, чтобы принять какое-либо участие в воссоздании Родины, она должна вернуться домой единым фронтом, с единой программой, с единым лозунгом — Отечество...

Я убежден, что мы могли бы легко найти общий язык и сговориться; для этого нужно лишь отрешиться от узкопартийных программ, от предвзятого, диктуемого воспоминаниями отношения к некоторым именам и объединиться в одном чувстве — любви к Отечеству и желании работать на его благо...»

Сами по себе лозунги служения Родине или Отечеству ни у

кого из эмигрантов возражений не вызывали. Но они были слишком абстрактны, требовали конкретики. А с ней было тут го. Врангель слишком хорошо сознавал, что как раз понимание служения России, равно как и представление о ее будущем, у разных политических групп весьма различно. Он оставался на позициях непредрешения политического строя в освобожденной от большевиков России и поддерживал стоявших на этих позициях членов Русского национального комитета в Париже.

Весной 1922 года Врангель писал А. И. Гучкову, с которым очень сблизился в эмиграции: «На затронутый Вами вопрос о своевременности провозглашения монархической идеи как лозунга для продолжения борьбы с Советской Россией я повторяю, что неизменно говорил в течение многих месяцев: преждевременное провозглашение монархического лозунга я считаю пагубным именно в интересах восстановления у нас монархического строя. Ставка слишком велика для того, чтобы можно было ею рискнуть. Если монархическая идея получит новое поражение, то это поражение будет особенно тяжким и надолго затянет обрисовавшийся в настоящее время кризис России».

Петр Николаевич не исключал даже, что народ может принять формулу «Монарх и Советы». К тому же к монархическим лозунгам настороженно относились союзники по Антанте. В то же время Врангель писал Гучкову, что армия на 90 процентов состоит из монархистов. Количество эмигрантов-монархистов главнокомандующий, возможно, и преувеличивал, но популярность монархических лозунгов среди тех, кто остался в рядах армии в Галлиполи, сомнений не вызывает.

Девятнадцатого сентября 1922 года Врангель издал приказ об устройстве своей армии за границей: «Дружными усилиями всех чинов армии русские воины на чужбине стали ныне на работу. Я получил возможность обратить скучные средства казны на помощь нетрудоспособным, состоящим при частях инвалидам и семьям военнослужащих; им отныне обеспечено ежемесячное пособие. На случай зимней безработицы для безработных ассигнованы средства. На местах групповых работ будут приняты меры по улучшению быта войск — открыты околодки*, оборудованы мастерские, организованы читальни; части будут снабжаться газетами. Отпущены средства на содержание училища. Несмотря на то, что болгарское правительство доселе отказывало в дальнейших денежных отпус-

* Околодок (околоток) — в данном случае врачебный пункт при воинской части. (Прим. ред.)

ках из депонированных нами болгарскому правительству сумм, удалось не только продолжить остановленные после 1 сентября денежные отпуски, но и провести ряд мер по облегчению тяжелых материальных условий жизни чинов армии. Это оказалось возможным благодаря той помощи, которую оказали мне все гг. офицеры, солдаты и казаки. Дружно откликнувшись на мой призыв, в сознании необходимости общими силами сохранить на чужбине родную армию, вы не погнувшись черной работой. В трудные дни вы вновь явили величие русского духа. Низкий вам поклон».

Главнокомандующий заботился не только о материальном, но и о политико-идеологическом состоянии армии. Так, 8 декабря 1922 года он издал приказ, где говорилось:

«...Русская Армия не может быть названа аполитичной. Сама природа гражданской войны зачисляет каждую из борющихся сторон в тот или другой политический лагерь, в данном случае большевистский-интернациональный или антибольшевистский-национальный.

Будучи прежде всего национальной, Русская Армия собрала под своими знаменами всех тех, кто в стремлении освободить Россию от врага... общего для всех национальных партий, борется за русскую национальную идею.

Доколе эта борьба не закончена, вокруг Армии должны, казалось бы, объединиться все — от республиканца до монархиста.

Армия ставит своей задачей свержение большевизма для обеспечения народу свободного волеизъявления по вопросу о будущей форме государственного устройства России. Впредь, до выражения народом своей воли, Русская Армия будет вести борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество».

Армия представлялась Врангелю средоточием всего лучшего, что еще осталось в России. Она должна была быть носительницей определенных идеологических ценностей, но оставаться вне политической борьбы. 10 октября 1923 года, выступая с речью на собрании представителей русских воинских союзов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он заявил:

«Русская Армия — это не только последняя горсть защитников родины, это не корниловцы и марковцы, не гвардейцы — последний батальон Императорской Гвардии, это не донские, кубанские, терские казаки; Русская Армия — это всё русское воинство, оставшееся верным русскому знамени. Русская Армия — это всё, что не Совдепия, это Россия...

И пока не умерла Армия — Россия жива...

Начатая десять лет назад борьба за родину не кончена, и

вставшая по призыву Царя Русская Армия, ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России.

Пока не кончена эта борьба, пока нет Верховной Русской Власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга.

Этот долг для меня, стоящего во главе остатков Русской Армии, — собрать и сохранить русское воинство за рубежом России.

Так, окруженный врагами, отбивая знамя, призывает к себе остатки родного полка командир знаменного взвода.

И не себе я ишу подчинения. Собрав последние остатки Русской Императорской Армии, я буду ждать приказа Того, Кто остался для нас Верховным Главнокомандующим.

Он волен будет поставить во главе вас того, кто наиболее достоин.

Ставя долгом своим собрать и сохранить Русскую Армию на чужой земле, я не могу допустить участия ее в политической борьбе. Воин не может быть членом политической партии, хотя бы исповедующей те же верования, что и он. И офицер старой Императорской Армии не мог состоять членом монархической партии, так же как не мог быть членом любой другой...

Значит ли это, что каждый из вас не может иметь своих политических убеждений, не может интересоваться политической жизнью своей страны? Конечно, нет.

Мы, старые офицеры, мы, служившие при русском Императоре в дни славы и мощи России, мы, пережившие ее позор и унижение, мы не можем не быть монархистами. И воспитывая будущее поколение русских воинов, тех, кто вновь будет ковать мощь и славу нашей родины, мы можем лишь радоваться, что они мыслят так же, как и мы.

Но мы не можем допустить, чтобы, прикрываясь словами “Вера”, “Царь”, “Отечество”, офицеров вовлекали в политическую борьбу...

Три года тому назад, когда остатки Русской Армии ушли в изгнание, те, кому Россия обязана своим позором, спешили довершить кайново дело. Гонимая всем миром, обескровленная и нищая, Русская Армия мешала им, и Милюков кричал, что надо уничтожить “реакционную силу”, “спасти Россию от реставрации” и “армию от Врангеля”... Теперь кричат о “спасении армии от Врангеля” из другого лагеря...

Кричат, укрываясь за дорогие русскому офицеру слова.

Напрасно. Врагам я не боюсь смотреть в лицо и с пути долга не сойду. Этим путем, верю, пойдетe и вы».

Врангель твердо проводил в жизнь принцип невмешательства Русской армии в политическую жизнь тех государств, где она находилась. Когда в 1923 году в Болгарии было свергнуто левое правительство Александра Стамболовского, враждебно относившееся к врангелевцам, Гучков написал барону: «Сообщите мне, участвовали ли Ваши контингенты в какой бы то ни было мере в болгарских событиях?» Главнокомандующий категорически опроверг сообщения английских газет о причастности воинских формирований белых к свержению правительства Стамболовского. 8 сентября 1923 года Врангель издал приказ о запрещении армейским чинам входить в какие-либо политические организации и объединения.

Восьмого ноября 1922 года Врангель назначил помощником главнокомандующего Русской армией, то есть своим заместителем, Александра Павловича Кутепова. Ему были поручены непосредственные контакты во Франции с великим князем Николаем Николаевичем. Постепенно Кутепов всё больше подпадал под влияние окружения великого князя и отдался от Врангеля.

Летом 1923 года Петр Николаевич понес тяжелую утрату: в городе Сремские Карловцы в возрасте 76 лет скончался его отец Николай Егорович Врангель.

Осенью 1923 года Врангель решил передать всю политическую и разведывательно-информационную работу в ведение великого князя Николая Николаевича, оставив себе лишь заботы о повседневном существовании солдат и офицеров. В распоряжение старейшего члена императорского дома были направлены генералы А. П. Кутепов и Н. А. Монкевич для руководства «секретной работой в России». Однако они не смогли распознать крупномасштабную чекистскую провокацию — созданную людьми Дзержинского Монархическую организацию Центральной России, или «Трест». Монкевич же, будто бы покончивший с собой в 1926 году, подозревался в том, что был завербован ОГПУ и тайно вывезен из Франции в СССР.

К осени 1924 года остатки Русской армии были расформированы и разоружены. Она перестала быть боевой единицей. Началось рассеяние всех военнослужащих Русской армии по разным странам и континентам. Стремясь сохранить кадры армии в условиях эмиграции, Врангель 1 сентября 1924 года издал приказ о создании Русского общевоинского союза (РОВС) первоначально в составе четырех отделов: 1-й отдел — Франция и Бельгия; 2-й — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; 3-й — Болгария и Турция; 4-й — Королевство сербов, хорватов и словенцев, Греция и Румыния. РОВС объединял всех бывших участников белой борьбы.

Он сочетал функции профсоюза, оказывающего помощь своим членам (в первую очередь — нетрудоспособным инвалидам, а также обремененным семьям безработным), и военных учреждений, занимающихся переподготовкой военнослужащих запаса. В ноябре 1924 года Врангель признал верховное руководство РОВСа за великим князем Николаем Николаевичем.

Тогда же Врангель говорил бывшему таврическому губернатору генералу М. Н. Скалону, что «давно от всякой политической работы отошел, ограничив свою деятельность заботой о своих соратниках». Он крайне скептически относился к организации «Трест», справедливо подозревая чекистскую провокацию.

В Сремских Карловцах Врангель получал от Чебышева, Шульгина и Климовича подробную информацию о «Тресте» и его программе. В одном из писем он отмечал: «Обращение ко мне Федорова и Волкова (псевдонимы Якушева и Потапова, руководителей «Треста». — Б. С.) и само содержание их писем усиливает бывшие у меня ранее подозрения. Я не считаю себя вправе не сообщить их Великому князю. Вместе с тем эти подозрения всё же не непреложная уверенность, а потому убедительно прошу тебя, буде Великий князь сочтет необходимым в интересах дела поддержать с ним (Якушевым. — Б. С.) дальнейшие сношения, чтобы это письмо и препровождаемые документы остались бы для всех, кроме тебя и Великого князя, неизвестными». Однако Кутепов и великий князь все больше принимали «Трест» за чистую монету — очень уж им хотелось верить в существование в России мощной монархической организации, ориентирующейся на Николая Николаевича. Здесь психологический расчет чекистов был точен.

Задачей «Треста» было убедить вождей эмиграции, что в ожидании, пока монархическая организация возьмет власть в России, эмигранты не должны предпринимать «активных действий» в СССР, будь то разведка или террористические акты. К последним особенно тяготел Кутепов, вдохновленный примером эсеров. Врангель же был против «активных мероприятий», считая их бесполезным распылением сил. Советской власти такие мероприятия наносили в лучшем случае булавочные уколы, зато часто могли привести к гибели офицеров-добровольцев. Врангель мечтал когда-нибудь ударить по большевикам всей мощью армии, которую стремился сохранить в эмиграции.

С помощью организации «Трест» чекистам удалось на несколько лет практически парализовать деятельность монархических организаций внутри России. В 1922—1927 годах, пока действовал «Трест», терактов, осуществленных представите-

лями белой эмиграции, в СССР не было, так как деятельность сторонников террора во главе с Кутеповым была парализована «трестовцами», а другие эмигрантские группировки, в том числе и врангелевская, террор отвергали.

Отношения Врангеля и Кутепова, обострившиеся из-за разногласий по вопросам стратегии и тактики борьбы, усугубились взаимной личной неприязнью. Кутепов явно считал, что он как «первоходник» и командир Добровольческого корпуса имеет не меньше прав на то, чтобы возглавить военную эмиграцию, чем Врангель, примкнувший к Добровольческой армии уже на гребне ее успехов. Руководители «Треста» исподволь поддерживали у Александра Павловича это убеждение.

Кутепов по инициативе великого князя возглавил особую организацию, которая должна была вести «работу специального назначения по связи с Россией». Она называлась «внутренней линией» и ведала засылкой в СССР офицеров-добровольцев для разведки, создания подпольных организаций и террора. Однако вся ее деятельность шла по линии «Треста», то есть фактически под контролем чекистов.

Вожди «Треста» настраивали Кутепова против Врангеля. Якушев писал одному из своих корреспондентов в эмиграции С. Войцеховскому: «В отношении Бородина (Кутепова. — Б. С.) можете, в частности, сказать, что мы ему доверяем и не предполагаем менять на Сергеева (Врангеля. — Б. С.)». И Кутепов летом 1925 года согласился по предложению Якушева войти вправление Монархической организации Центральной России.

История с «Трестом» скомпрометировала в итоге не только Кутепова, но и близкого к Врангелю Шульгина. После того как «трестовцы» в сентябре 1925 года заманили в СССР знаменитого британского разведчика Сиднея Рейли, который был арестован и расстрелян (чекисты инсценировали его гибель в перестрелке на советско-финской границе), для реабилитации «Треста» в глазах эмиграции Якушев предложил Шульгину совершить поездку в СССР и написать об этой поездке. (Эту книгу «Три столицы», ставшую в эмиграции бестселлером, предварительно подвергли цензуре на Лубянке.) Врангель предупреждал Шульгина, что тот имеет дело с чекистской провокацией, но Василий Витальевич ему не поверил. Кроме того, Шульгин считал, что в любом случае «Тресту» будет выгодно выпустить его обратно в эмиграцию, чтобы укрепить свой пошатнувшийся из-за дела Рейли престиж. Якушев к тому же хотел через Шульгина наладить связи с Врангелем, но это не удалось: после случая с Рейли барон уже нисколько не сомневался, что «Трест» — чекистских рук дело. В письме Шатилову он писал о Кутепове: «Многое сложнее вопрос о ра-

боте его в порученной ему Великим князем области. Как показал опыт, работа эта гибельна для тех, кто там, в России, творит то же дело, что и мы... Говорить с Великим князем, как показал опыт, бесполезно. Остается, быть может, одно — потребовать от А. П. или неопровергимые доказательства его утверждений, что работа его не потерпела краха, или потребовать от него от этой работы отойти... Удар по А. П. был бы ударом по В^{<еликому>} к^{<нязю>}. Мы стоим перед заколдованным кругом».

Петр Николаевич оказался весьма проницателен относительно советских агентов. Так, он еще в 1923 году заподозрил генерала Н. В. Скоблина, впоследствии сыгравшего видную роль в похищениях А. П. Кутепова и Е. К. Миллера, и отстранил его от командования полком. В 1926 году Скоблин попытался восстановить отношения с Врангелем, но тот его не принял.

В апреле 1927 года истории с «Трестом» пришел конец. Один из руководителей «Треста» в России, бывший савинковец Опперпут, перевербованный чекистами, вместе с агентами Кутепова Захарченко-Шульц, Радкевичем, Каринским и Шориным бежал из России в Финляндию и там разоблачил «Трест» как творение Лубянки. Вскоре Опперпут был переброшен Кутеповым с группой офицеров в Россию для совершения теракта и погиб в перестрелке с чекистами.

Иногда высказывалось мнение, что «раскаяние» Опперputa было спланировано чекистами, чтобы дискредитировать уже Кутепова и Шульгина и покончить с «Трестом», против которого в эмиграции накапливалось всё больше подозрений. Опперпут же вовсе не погиб, а просто инсценировкой смерти был выведен из игры и спокойно жил под другой фамилией. Однако вряд ли эта версия соответствует истине. Ведь после побега Опперputa ОГПУ пыталось сохранить «Трест». Генерал Н. М. Потапов по распоряжению чекистов написал Кутепову «объяснительное письмо», где утверждал, что, несмотря на провокаторство «азефа»* Опперputa, «Трест» остается жизнеспособной организацией: «Хладнокровию и распорядительности Рабиновича (А. А. Якушева. — Б. С.) мы обязаны тем, что кое-как овладели положением... В настоящий момент Рабинович находится, по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем... К счастью, кажется, никаких архивов Правления никогда у Касаткина (Опперputa. — Б. С.) не было».

* Евно (Евгений) Азев (1869—1918) — руководитель Боевой организации эсеров и одновременно агент Охранного отделения, разоблаченный в 1908 году. Его имя стало нарицательным как обозначение предателя и провокатора. (Прим. ред.)

Однако Кутепов больше в «Трест» не верил. Теперь он отправил в СССР несколько групп офицеров для осуществления терактов, жертвами которых стали рядовые партийцы и функционеры среднего звена. (После похищения Кутепова агентами ОГПУ в 1930 году новое руководство РОВСа от террора отказалось, вернувшись к врангелевской точке зрения. До Сталина и других партийных вождей террористы из РОВСа добраться не могли. Уничтожение же какого-нибудь секретаря обкома могло привести только к усилению репрессий и непрасным потерям лучших офицерских кадров.)

История с «Трестом» заставила Шульгина отказаться от политической деятельности. Теперь он со своими «Тремя столицами» превратился в посмешище для эмигрантской прессы. Кутепов остался на своем посту, но авторитет его оказался основательно подмочен. По поводу разоблачения «Треста» Врангель с возмущением писал генералу И. Г. Барбовичу: «Иностранный отдел ГПУ оплачивался в значительной мере средствами, передававшимися советским Азефам самим генералом Кутеповым. Таким образом, те жалкие гроши, которые несли русские беженцы на национальную работу, шли, по существу, на содержание этого органа наших врагов, который эту работу разрушал».

Семья Врангеля в 1925 году переехала в Брюссель. Сам же Петр Николаевич с матерью остался в Сремских Карловцах, где среди прочих дел зимой 1926 года приступил к редактированию своих мемуаров. Врангель начал работу над ними еще в конце весны 1921 года в Константинополе и завершил их написание в декабре 1923-го в Сербии. Он стремился отстоять свою позицию в конфликте с Деникиным, который уже начал публикацию «Очерков русской смуты». Чтобы показать, что его мемуары были написаны еще до публикации тех томов «Очерков», где излагалась деникинская версия конфликта с Врангелем, Петр Николаевич в конце каждой главы поставил дату завершения работы над ней. В начале 1926 года он сказал матери: «...Я хочу, чтобы знали, что они написаны до деникинских записок, а не то, чтобы я оправдывался как бы на его обвинения».

В приказе по РОВСу от 14 января 1926 года Врангель отмечал:

«...Как в бою развертывается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной бой, так Армия, изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Чаталджи, разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией — воин-

нами, спаянными единой волей, связанными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас огонь. Придет день, прорубит сбор, сомкнутся ряды, и вновь пойдем мы служить Родине. Бог не оставит нас, Россия не забудет».

Отсутствие единства в рядах эмиграции, в том числе и среди ее монархического крыла, вызывало у Врангеля все большее разочарование и укрепляло его в намерении уйти из политики. Оценивая итоги Русского зарубежного съезда, состоявшегося в апреле 1926 года в Париже, Петр Николаевич с горечью констатировал, что «общественность оказалась у разбитого корыта. Ни одна группа не оказалась достаточно сильной, и в чувстве собственного бессилия все ищут союзников». Эти слова он мог бы сказать и о самом себе.

В 1926 году барон передал пост главнокомандующего великому князю Николаю Николаевичу, оставил за собой только должность председателя РОВСа. Но великий князь остался по большей части декоративной фигурой, фактически в дела военной эмиграции не вмешивался, и она по-прежнему была подконтрольной Врангелю и Кутепову.

Осенью 1926 года Петр Николаевич решил перебраться в Брюссель, где он получил место в одной из бельгийских фирм. 11 октября 1926 года в своей прощальной речи в зале Русского офицерского собрания в Белграде главнокомандующий говорил о «подвиге русского изгнанника»: «...потеряв Родину, достояние, лишенный правовой защиты, безмолвно несет свой крест, блудет достоинство русского имени, непосильным трудом обеспечивает свою независимость. В Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии, в Америке и на Дальнем Востоке — всюду, куда злая судьба забросила русских бездомников, они сумели заставить ценить русский труд, русские исключительные дарования. Во всех областях искусства, науки, прикладных знаний русский талант, русский гений, русская самобытность сумели завоевать себе и в Старом, и в Новом Свете мировую известность. В исключительных условиях существования вне родины сохранилась Русская Церковь, кадры старой Российской Армии, русская школа, русская печать. И всюду, куда забросила судьба русского человека, он сумел создать уголок России».

В ноябре 1926 года генерал Врангель выехал в сопровождении своего личного секретаря Н. М. Котляревского в Брюссель.

Средства, имевшиеся у Русской армии, практически иссякли уже к концу 1923 года. У РОВСа едва хватало денег на содержание канцелярии в Париже и начальников отделов в

разных странах. Врангель не хотел быть обузой для соратников. Поэтому он рассчитывал, что жалованья инженера ему вполне хватит на содержание семьи. А доходы от мемуаров, которые, барон надеялся, будут получены после их перевода на иностранные языки, он предполагал пустить на нужды РОВСа. Другие члены его семьи тоже старались не сидеть без дела. Генерал А. А. фон Лампе после встречи с четой Врангелей записал в дневнике: «Ольга Михайловна при мастерской шляп своей сестры Треповой открыла модный отдел и работает там вместе со старшей дочерью Еленой, только что закончившей свое учение».

Сын барона Алексей Петрович Врангель писал в книге об отце:

«Когда великий князь Николай стал главнокомандующим армией в эмиграции и его советники и ближайшее окружение установили полный контроль над остатками средств, на которые существовал Воинский Союз, Врангеля вынудили ликвидировать его штаб. Николай предложил выплачивать Врангелю из этих средств пенсию, от чего тот отказался, не желая получать содержание из взносов участников Союза...

Теща Врангеля на деньги, вырученные от продажи виллы в Австрии, приобретенной еще до войны ее мужем, купила в Бельгии небольшой дом. Туда и перебрались в 1926 году супруги Врангель с двухлетним сыном, старой няней, поваром, а также ординарцем с женой».

С. А. Мацылев описывает одно из публичных появлений барона — в Париже в 1926 году, на обеде по подписке, устроенном в одном из больших, но скромных ресторанов на окраине города, предназначенных для свадеб и банкетов:

«Задолго до назначенного часа стали собираться участники обеда. Еще в поездах метро их можно было легко отличить от французов: одетые в скромные, зачастую потертые костюмы, приобретенные по случаю, с неумело завязанными галстуками, они сохранили свою прежнюю военную выпрявку. Зал быстро наполнился и гудел оживленными голосами. Старые соратники вновь встретились, и казалось, что статское платье они надели лишь временно, что надежда еще не потеряна на то, что вновь они облекутся в форму своих родных частей и снова пойдут на борьбу...

— Господа офицеры, — раздалась команда, и в зал вошел Врангель. Он тоже был в штатском, которое, по его признанию, не любил и не умел носить. Обед начался. Было произнесено много речей и тостов, во всех них звучала вера в лучшее будущее и неразрывная связь с тем, кто, несмотря на изменившееся положение, по-прежнему в сердце каждого ос-

тавался Главнокомандующим, за которым все вновь пойдут без колебаний, если это будет суждено...»

Первого октября 1927 года генерал-майор А. А. фон Лампе приехал в Париж, где на вокзале Сен-Лазар встретился с Врангелем и его женой Ольгой Михайловной. Алексей Александрович поразился перемене, произошедшей с Врангелем: «...Его настроение на этот раз показалось мне мало энергичным, не в пример всегдашим нашим встречам — пассивным», от «многих дел и дрязг... он в стороне не только на словах, но и в душе...», «...это не тот ПН, каким я привык его видеть! Н. Н. Чебышев и П. Н. Шатилов спорили со мною и говорили, что я ошибаюсь в оценке ПН-ча. Дай Бог, чтобы правы были они. Я боюсь влияния Ольги Михайловны, которая год тому назад уже говорила мне, что Петру Николаевичу надо начинать жить для себя!..»

Во время встречи Врангель и фон Лампе обсудили проблему финансирования эмигрантского издания «Белое дело». В связи с этим фон Лампе отметил в дневнике: «У ПН нет выходов на тех, кто мог бы дать деньги на “Белое дело”...» Отсутствие выходов на потенциальных спонсоров сильно ограничивало влияние Врангеля на русскую эмиграцию и тот же РОВС. Оно всё больше становилось моральным, но не материальным. Но зарабатывать деньги и жить для себя Петр Николаевич так и не научился до самой смерти. Главным для него оставались РОВС и забота о бывших чинах своей армии, их материальном положении и моральном духе.

Четырнадцатого января 1928 года в Брюсселе Врангель издал очередной приказ по РОВСу: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия (СССР. — Б. С.). Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия.

Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся родине, и тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух.

Не обольщаясь призрачными возможностями, но не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг».

С. А. Мацылев вспоминал, что руководители белой эмиграции знали о расхождениях между Врангелем и Кутеповым, но высоко ценили обоих, «которые по-разному стремятся к одной и той же цели — освобождению России»: «Врангель не одобряет ту работу, которую ведет Кутепов в России, считая, что она не даст положительных результатов и лишь вызовет

жертвы среди лучших и наиболее активных чинов армии». Возможно, мемуарист был прав, когда писал, что генералы «в глубине сердец сильно переживают эти несогласия». Подтверждением этому служит описанная им встреча в Галлиполийском собрании в феврале 1928 года:

«...Рабочий квартал Парижа со скучными, однообразно-серыми домами. Узкий проход ведет с улицы к небольшому двухэтажному особняку, который расположен как в колодце, окруженный более высокими домами. Скромный зал, переделанный из когда-то помещавшейся здесь мастерской. Стены украшены национальными флагами и портретами покойного Государя и вождей Белого Движения. Один угол зала затянут занавесью — там помещается походная Галлиполийская церковь... Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова... Входит Врангель... он осунулся и похудел, но по-прежнему в глазах молодой блеск. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову.

Все присутствующие знают, что между ними существуют разногласия...

— Здравствуй, Александр Павлович, — раздался несколько хрипловатый голос Врангеля, — что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт позавтракать, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил...

Кутепов улыбнулся и что-то ответил... Лед был сломан...»

Показательно, что в последние недели жизни Врангель внес в текст своих «Записок» довольно лестный отзыв: «Генерал Кутепов был начальник большой воинской доблести...»

Бывший офицер белой армии К. Зайцев дал генералам сравнительную характеристику:

«Кутепов и Врангель! В некоторых отношениях генерал Врангель, конечно, затмевал скромного и деловитого Кутепова. У ген. Врангеля был подлинный талант властования. От него исходила некая поистине магическая сила, воздействие которой испытал всякий, кто хоть раз находился в его присутствии. Декоративно великолепный, он естественно повелевал, и окружающие его также естественно ему подчинялись. Власть его над массами была чудодейственной.

Кутепов не обладал подобными данными прирожденного правителя. Но поставим вопрос иначе. Кто мог, перебирая в своей памяти десятки и сотни знакомых ему имен из состава армии, остановить свой выбор на любом из них и, призвав в свой кабинет капитана или полковника, имярек, из их числа,

сказать ему: “Полковник или капитан такой-то, у меня есть к вам дело; это очень ответственное поручение, и есть много оснований предполагать, что вы не вернетесь, если обстоятельства обернутся для вас неблагоприятно, — согласны ли вы взяться за него?” Кто мог задать такой вопрос сотням доблестных офицеров и быть уверенным, что не будет отказа и что поручение будет свято выполнено и окажется в руках человека беспредельно преданного и абсолютно верного? — Я полагаю, что другого такого человека нет в нашем зарубежье и не было его даже тогда, когда был в живых ген. Врангель».

Думается, однако, что офицеры и Врангелю не отказали бы в просьбе принять на себя поручение, связанное со смертельным риском. Но барон, в отличие от Кутепова, считал, что выполнение такого рода миссий в России в настоящее время бесмысленно. Если он и пытался создать какую-то агентурную сеть в СССР, то только с целью получения разведданных, чтобы понять, что именно там происходит. Однако нет достоверных данных, подтверждающих, что такая сеть была Врангелем действительно создана. Главное же — Петр Николаевич, имея некоторый политический опыт, прекрасно понимал, что на процессы, происходившие в Советском Союзе, эмиграция воздействовать не в состоянии. Печальный опыт «Треста» его убежденность только укрепил.

Врангель особое значение придавал укреплению веры в Белое движение. Получив в конце января 1928 года письмо от председателя Союза дроздовцев генерала Ползикова с просьбой прислать «бодрящее слово» для помещения в памятную однодневную газету, выпускаемую в связи с предстоящим празднованием десятилетия дроздовских частей, 10 февраля Петр Николаевич откликнулся ярким патетическим приветствием:

«Белая борьба

Белая борьба — это честное возмущение русского человека против наглого насилия над всем для него святым — Верой, Родиной, вековыми устоями государства, семьи.

Белая борьба — это доказательство, что для сотен тысяч русских людей честь дороже жизни, смерть лучше рабства.

Белая борьба — это обретение цели жизни для тех, кто, потеряв Родину, семью, достояние, не утерял веры в Россию.

Белая борьба — это восприятие десятков тысяч юношей, сынов будущей России, в сознании долга перед Родиной.

Белая борьба — это спасение Европы от красного ига, искупление предательства Брест-Литовска.

Не вычеркнуть из русской истории темных страниц настоящей смуты. Не вычеркнуть и светлых белой борьбы.

Генерал Врангель».

Поскольку иностранные и эмигрантские издательства однозначно отказывались печатать мемуары Врангеля, он передал их главе 2-го отдела РОВСа генерал-майору А. А. фон Лампе для публикации в летописи «Белое дело». В феврале 1928 года барон вызвал его из Берлина в Брюссель, чтобы совместно с ним окончательно отредактировать свои воспоминания. По совету фон Лампе Петр Николаевич назвал их «Записками». Врангель вычеркнул из текста все критические характеристики Николая II и наиболее резкие высказывания в адрес Деникина. Врангель считал, что высказывания такого рода могут только разобщить эмиграцию, а он старался делать всё для ее объединения.

Тем не менее последний приказ по РОВСу от 7 апреля 1928 года, который барон диктовал, уже будучи смертельно больным, был, по существу, продолжением его давней полемики с Деникиным. Он интересен не только содержанием, но и формой, будучи написан не от первого, а от третьего лица:

«В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным* и ряд статей, вызванных этой перепиской.

Главнокомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки.

Прекрасно понимая, что значительная часть офицеров, находящихся в Советской России, не имела возможности, по тем или иным причинам, принять участие в “белой борьбе”, Главнокомандующий не считает возможным бросить им за это упрек и отдает должное их страданиям под игом большевистской власти. Но вместе с тем Генерал Врангель находит, что сношения с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает “братание” на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года.

Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле “белой борьбы”.

Главнокомандующий считает, что “белая борьба” — это единственная светлая страница на мрачном фоне Российской смуты, страница, которой участники “белой борьбы” по пра-

* Переписка между А. И. Деникиным и его корреспондентом, обозначенным псевдонимом «Красный Офицер», публиковалась в парижской газете «Возрождение». Прежде, во время Гражданской войны, Антон Иванович попавших в плен «красных офицеров» обычно приказывал расстреливать, а перебежавших к белым нередко отдавал под суд. Теперь же он готов был оправдывать службу «военспецов» в Красной армии патриотическим мотивами.

ву могут гордиться и признания морального значения коей обязаны требовать от всех.

Значение “белой борьбы”, сохранившей честь Национальной России, никогда не умрет.

Что касается вопроса о том, кому в будущей России будет принадлежать первое место, то Генерал Врангель находит даже поднимать его недостойным.

Вопрос этот у участников “белой борьбы” никогда не возникал, и когда офицеры, не исключая и старых генералов, шли в бой с поработителями Родины с винтовкой в руках рядовыми бойцами, никто из них не думал о том, какие места они займут в будущем, — их одушевляла, как одушевляет и ныне, одна мысль — об освобождении России.

Не может быть места для этого вопроса и после падения большевиков. Когда падет ненавистная власть, поработившая ныне нашу Родину, и воскреснет Национальная Россия, то для каждого будет величайшим счастьем отдать Ей все свои силы, как бы ни был скромен предоставленный каждому удел.

К этому бескорыстному служению Родине мы, по мнению Главнокомандующего, и должны теперь все готовиться.

Генерал Врангель».

Барон был деятелен, не впадал в уныние и верил, что дождется наступления лучших времен, когда сможет исполнить провозглашенную в последнем приказе патриотическую миссию. Ничто не предвещало печального поворота его судьбы и столь стремительной развязки.

В январе 1928 года Врангель заболел гриппом, который протекал в тяжелой форме. Когда 14 февраля фон Лампе приехал из Парижа в Брюссель, он нашел Петра Николаевича уже поправлявшимся. Тот, хотя «не был вполне здоров», почувствовав себя лучше, стал выходить на улицу. Это пренебрежение к своему здоровью, нетерпение деятельного человека, помешавшее ему долечиться, соблюдая постельный режим, привели к роковому исходу.

Восьмого марта 1928 года Врангель вновь основательно простудился и слег. Узнав об этом, фон Лампе написал ему 26 марта: «...Грипп опять уложил Вас в кровать!.. Видимо, рецидив того припадка, который был до моего приезда... Все дела по изданию пишу Ник. Мих. (секретарю Врангеля Котляревскому. — Б. С.), чтобы не досаждать Вам неприятными и назойливыми мелочами...»

Уже после смерти главнокомандующего, 4 мая 1928 года, фон Лампе сообщил генералу Е. К. Миллеру: «...Вдруг в фев-

рале он настоял на моем немедленном приезде в Брюссель, на спешной нашей совместной работе над корректурой записок и на немедленном отвозе их мною в Берлин! Все мои указания, что не надо спешить, Петр Николаевич решительно отвергал и торопил меня всё время!.. По-видимому, у Петра Николаевича было какое-то неосознанное предчувствие, что торопиться надо...» Возможно, Петр Николаевич почувствовал близость смерти и торопился завершить работу над мемуарами.

В середине апреля состояние здоровья Врангеля резко ухудшилось. 13 апреля фон Лампе получил от Котляревского из Брюсселя очень тревожное письмо, датированное 11-м числом: «Ужасное горе! Сегодня выяснилось, что у П. Н. туберкулезный процесс левого легкого в очень сильной активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Температура очень высокая. Если Господь смируется, то, как только температура немного понизится, увезем в горы».

В день православной Пасхи, пришедшийся на 15 апреля, генерал почувствовал себя совершенно здоровым и заявил собравшимся домочадцам, что собирается вставать. Вдруг в полдень произошел сильнейший нервный припадок: он кричал от страшного внутреннего возбуждения. Одновременно наступило резкое ослабление деятельности сердца.

Был вызван духовник Врангеля протоиерей Василий Виноградов, которому после исповеди и причащения Святых Таин Врангель сказал: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»

В следующем письме Котляревского, написанном в 11 часов дня 16 апреля, сообщалось: «За вчерашний день произошло очень большое ухудшение. Температура дает огромные колебания с 39 на 36,2 и обратно 39. Вчера были явления характера мозгового. Врачи считают положение чрезвычайно опасным и считают, что благоприятный исход болезни будет чудом. Какое страшное, ужасное горе!»

Отчет Котляревского, датированный 20 апреля, фон Лампе получил 24-го: «Здоровье П. Н. не лучше, сердце работает хуже, очень большая слабость. Вопрос легких сейчас не на первом плане, главное — деятельность сердца и нервное возбуждение».

Генерал Шатилов вспоминал: «Когда я узнал о тяжелой болезни моего главнокомандующего и друга, я приехал из Парижа. То, что я увидел, поразило меня. Измученный и исхудавший, он был уже слаб. Когда мы обнялись, он расчувствовался и заплакал. Взяв себя в руки, он сказал, что исповедовался и

принял причастие. Затем мы спокойно обсудили вопросы, касающиеся армии и ее содержания».

Одним из последних распоряжений Врангеля было указание после издания «Записок» в пятом и шестом томах летописи «Белое дело» сжечь их оригинальный полный текст. (19 июля 1928 года в Берлине, в пятом сборнике «Белого дела» была опубликована первая часть воспоминаний Врангеля, а 25 сентября в шестом сборнике — вторая их часть. После этого с соблюдением всех формальностей и составлением протокола рукопись была сожжена в Брюсселе 31 октября. Лампе добился только права сохранить несколько страниц «для истории» — с авторскими датами окончания глав и образцами сделанных Врангелем сокращений текста.)

Мать Врангеля Мария Дмитриевна, пережившая сына, вспоминала о его болезни и кончине: «...тридцать восемь суток сплошного мученичества. Его силы пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался вставать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Утром 25 апреля 1928 года генерал Врангель умер. Последними его словами были: «Боже, храни армию!» и «Я слышу колокольный звон».

Российский историк В. Г. Бортневский, исследовавший архив Врангеля в США, пришел к выводу, что чекисты, опасаясь, что барон создаст новый центр активной борьбы для действий в СССР, решили убрать его, заразив какой-то неизвестной болезнью. Слухи об этом циркулировали среди русских эмигрантов после смерти Петра Николаевича и широко обсуждались в эмигрантской прессе. Эта версия также нашла свое отражение в известном рассказе Владимира Набокова «Помощник режиссера», написанном в 1943 году. Там отравление Врангеля приписывается советскому агенту генералу Голубкову (не исключено, что фамилию своего героя Набоков позаимствовал из булгаковского «Бега»), очевидным прототипом которого был упоминавшийся выше генерал Николай Владимирович Скоблин: «Первый из почивших председателей Б. Б. (у Набокова Союз Белой Борьбы был пародией на РОВС. — Б. С.) стоял во главе всего Белого Движения и, безусловно, был самым достойным в нем человеком; кое-какие смутные симптомы, сопровождавшие его неожиданный недуг, приводят на ум тень отравителя». Заметим, что в данном случае — насчет роли Скоблина — мы имеем дело с чистой воды художественным вымыслом. После 1923 года Врангель со Скоблиным не поддерживал никаких связей, и тому было практически невозможно организовать покушение.

На версии отравления настаивали и члены семьи Врангеля. Дочь Наталья вспоминала:

«Советы не оставляли попыток избавиться от отца. И в конце концов им это удалось. Мы только-только перебрались в Бельгию. Родители считали, что нам, детям, лучше учиться в школе на французском языке. У нас был свой дом, в котором кроме нас с родителями жили бабушка, ее сын, который сделался ненормальным после заражения крови (это произошло еще до революции), и денщик отца. Неожиданно в один из дней из-за границы приехал родной брат этого денщика, матрос. Все почему-то нашли это совершенно нормальным — перебраться через границу, отыскать наш домик. Целый день этот матрос находился на кухне, а вечером уехал. Поинтересоваться более подробно, кто он, откуда приехал и куда уехал, никому и в голову не пришло. А отец вскоре заболел. У него был сильный жар. Но доктора не могли выяснить, чем он болен. Говорили, что это скоротечный туберкулез... Сейчас-то я понимаю, что его отравили. Отец промучился месяц. Ему было только 49 лет. Многие не могли поверить, что отца больше нет. Его секретарь получал письма с просьбой заставить врачей удостовериться, что это не летаргический сон. “Не хороните генерала до появления трупных пятен”, — писали сторонники отца».

Аналогичные предположения высказывали и другие дети Петра Николаевича — Елена Петровна фон Мейндорф и Петр Петрович Врангель. Согласно семейной версии, причиной смерти Петра Николаевича было то, что накануне его болезни в доме Врангелей провел несколько дней неизвестный им ранее человек, якобы брат состоявшего при генерале вестового Якова Юдихина, матрос советского торгового судна, зашедшего в Антверпен.

Однако все доводы в пользу того, что Врангель стал жертвой чекистского покушения, оказываются на поверку весьма шаткими. Нет никаких объективных данных о том, что барон в последние месяцы своей жизни пытался создать какую-либо организацию для действий в СССР, и, соответственно, нет никаких оснований считать, что об этом стало известно в Москве. Наоборот, большевикам скорее выгоден был фактический раскол военной эмиграции на сторонников Врангеля и Кутепова, причем для советской власти последний был более опасен, поскольку являлся сторонником террора, тогда как Врангель выступал против активных действий эмиграции на территории СССР.

Кроме того, если бы в Москве все-таки решили расправиться с «черным бароном», это можно было осуществить го-

раздо более традиционными и менее изощренными способами. Если судить по воспоминаниям тех, кто встречался с Врангелем после его переезда в Бельгию, охраны у него не было. У ОГПУ было достаточно агентов среди офицеров Русской армии. Не стоило большого труда застрелить барона, например, во время его визита в общество галлиполийцев в Париже или направить убийца к нему в Брюссель. Напомним, что за два года до смерти Врангеля, 25 мая 1926 года, в Париже был убит лидер украинских националистов Симон Васильевич Петлюра. Его убийца якобы отомстил «головному атаману» за еврейские погромы на Украине, но было достаточно широко распространено мнение, что его к Петлюре подоспало ОГПУ: как раз в мае 1926 года в Польше в результате военного переворота к власти вернулся Ю. Пилсудский, у которого с Петлюрой были достаточно тесные отношения, и в Москве могли опасаться активизации деятельности украинской эмиграции. Организовать такую же операцию против Врангеля не составило бы труда, списав убийство главкома либо на распри среди эмигрантов, либо на месть за казни, совершенные в районе действий Кавказской армии или в Крыму. Преемников Врангеля по руководству РОВСом, Кутепова и Миллера, не стали убивать в Париже только потому, что было решено организовать их похищение, чтобы попытаться получить у них информацию о деятельности белой эмиграции, направленной против СССР.

Если бы у советских спецслужб действительно был столь эффективный яд, действию которого приписывается смерть Врангеля, со всеми симптомами гриппа и туберкулеза, то неизвестно, почему это оружие не было использовано против других врагов советской власти. Между тем лаборатория ядов появилась при Наркомате внутренних дел только в 1930-е годы.

Соратниками Врангеля для увековечивания его памяти по горячим следам были собраны все свидетельства очевидцев, в первую очередь — близкого окружения покойного, и описание его болезни и смерти было издано отдельным сборником. В нем нет даже намека на отравление:

«С начала зимы Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель не чувствовал себя вполне здоровым. 20 декабря 1927 года простудился довольно сильно, так что пришлось несколько дней пролежать в кровати. Еще не совсем оправившись, 7 января Главнокомандующий ездил в Люксембург и посетил группу полковника Керманова, где в Вильице чины кадра (находящиеся в резерве, а не на действительной военной службе. — Б. С.) Корниловского военного

училища работают на кожевенном заводе. 14 января Главнокомандующий заболел инфлюэнцей, которая имела затяжной характер, температура особенно высокой не была. Главнокомандующий стал чувствовать себя лучше, ощущал лишь слабость и продолжал кашлять. По утверждению пользовавшего врача Вейнерта, кашель был от ларингита (горловой кашель), а слабость — обыкновенное явление после инфлюэнцы. Главнокомандующий выходил и вел нормальный образ жизни.

18 марта Главнокомандующий вновь простудился и 19-го слег в постель. С первого же дня температура была высокая. Пользовавший врач Вейнерт определил гриппозное кишечное заболевание. 24 марта был консилиум с доктором Док, местным специалистом по желудочным болезням. 30 марта приехал из Парижа профессор И. П. Алексинский, пробывший у больного 2 дня, и подтвердил диагноз докторов Док и Вейнера. В состоянии здоровья улучшения не было, и 11 апреля профессор Алексинский приезжал вторично. В тот же день был консилиум при участии местного доктора Говартца, непредвиденно определившего у Главнокомандующего туберкулезный процесс левого легкого в очень активной форме. Анализ мокроты показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Было несколько консилиумов специалистов по разного рода заболеваниям во главе с доктором Дершайд, местным авторитетом по легочным болезням.

Значительное ухудшение наступило в 1-ый день Св. Пасхи, 15 апреля, когда у Главнокомандующего произошло падение температуры и сильный нервный припадок. Главнокомандующий мучительно страдал. Опасались возможности мозговых явлений. 19 апреля приезжал из Парижа в третий раз профессор Алексинский. В ночь на 21 апреля был второй нервный припадок, менее сильный, нежели первый. После первого припадка очень ослабела деятельность сердца, которое продолжало работать всё слабее и слабее.

25 апреля в 9 часов утра Главнокомандующий тихо скончался.

Умирал Главнокомандующий с большим самообладанием, как истинный сын Православной Церкви. Во время болезни дважды исповедовался и причащался Св. Таин у своего духовника протоиерея Василия Виноградова 10 апреля и в Страстную субботу 14 апреля; с большим умилением Главнокомандующий исполнил этот последний христианский долг и спокойно взирал на предстоящую кончину, в сознании выполненного долга перед Родиной.

В течение всей болезни до самых последних дней Глав-

нокомандующий все время продолжал быть в полном курсе всего того, что касалось Армии, судьбы которой его чрезвычайно волновали... До Страстной субботы принимал доклады генерала Архангельского, давая детальные указания по делам Армии, и секретаря Н. М. Котляревского, которому отдавал распоряжения на случай смерти. Уже 24 марта Главнокомандующий в беседе с Н. М. Котляревским начал давать предсмертные указания и с того дня неоднократно высказывал ему, что чувствует приближение смерти. Главнокомандующий выразил волю свою быть похороненным в Белграде в русской Церкви под сенью знамен. Все помыслы Главнокомандующего до последнего часа были о близкой его сердцу Армии. Он горячо молился о ней...»

Профессор И. П. Алексинский также не заметил каких-либо признаков неестественной смерти. Интервью с ним было помещено в парижской «Иллюстрированной России» вскоре после кончины Петра Николаевича:

«Я не лечил генерала, — сказал нам профессор Алексинский, — а посетил его во время болезни три раза. Генерала лечил русский врач Вейнерт, и к нему приглашались авторитетные бельгийские специалисты. Первый раз я был вызван к генералу Врангелю на 11 день его болезни. Я констатировал у него высокую температуру с ознобами и потами и сильную слабость, с полным отсутствием аппетита. Жаловался генерал Врангель на сильное нервное возбуждение, которое его страшно мучило с начала его болезни.

“Меня мучает мой мозг, — говорил генерал, — я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно развертываются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня страшно утомляет эта работа мозга... Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы... приказы, приказы...”

— Были ли в это время у генерала Врангеля какие-нибудь признаки туберкулеза?

— Я подробно исследовал генерала и после первого же осмотра констатировал, что легкие не затронуты и дыхание совсем свободно. Когда я посетил его через десять дней, во второй раз, было констатировано, что верхушка левого легкого затронута. У генерала были приступы кашля с выделением слизистой мокроты. Анализ ее обнаружил в ней туберкулезные палочки. Деятельность сердца была в это время вполне удовлетворительна, и генерал был все время в полном сознании. Температура оставалась высокой.

— Когда же произошло ухудшение его состояния?

— Это случилось совершенно неожиданно на первый день Пасхи, за десять дней до его кончины. В день Светлого Воскресения Петр Николаевич проснулся утром с нормальной температурой и почувствовал себя совершенно здоровым. Вся семья собралась у его постели, и генерал заявил, что он совершенно здоров и собирается вставать. Так продолжалось до 12 час. дня, когда вдруг с генералом Врангелем произошел сильнейший нервный припадок. От какого-то страшного внутреннего возбуждения он минут 40 кричал не своим голосом. никакие усилия окружающих не могли его успокоить. Одновременно было судорожное сокращение мышц тела.

Во время этого припадка наступило такое резкое ослабление деятельности сердца, что боялись немедленного рокового исхода болезни.

— Неужели, профессор, ничего нельзя было сделать, чтобы спасти жизнь генералу Врангелю? В чем, собственно, заключалась болезнь его?

— Я повторяю, я не лечил генерала Врангеля, но, несомненно, сделано было всё возможное. Мое мнение, что у него была какая-то тяжелая общая инфекция (грипп?), пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого. Таково же заключение лечившего его врача и известного бельгийского профессора.

— В печати несколько раз приводились, но не всегда в одинаковых версиях, последние слова покойного. Не говорил ли и вам, профессор, он что-нибудь о тех вопросах, которые его всегда волновали: о России, об армии?

— Да, во второй раз, когда я его видел, покойный очень много и горячо говорил о России. С большими волнением и верой говорил он о ближайшем будущем нашей Родины, о том, что спасение ее близко.

— Сознавал ли покойный, чувствовал ли он близость смерти?

— Когда я был у него последний раз за 6 дней до его кончины, он конечно, еще не знал, что дни его сочтены. Он только говорил, что если он умрет, то в этом было бы ужасно только то, что он не доживет до столь близких дней спасения России и не увидит своей освобожденной Родины... И можно было видеть, как эта мысль его волновала...

— В каком положении его семья? Остались ли после генерала Врангеля какие-нибудь средства?

— Никаких средств после него не осталось. Вместе с ним жили, кроме жены и четверых детей, мать и теща. Жили они очень скромно.

Генерал Врангель жил бедным рыцарем, бедным рыцарем он и умер...»

Вероятно, в течении болезни Врангеля роковую роль сыграли давнее ранение в грудь, которое могло способствовать развитию туберкулеза, и контузии, после которых Петр Николаевич страдал сердечными спазмами.

В 11 часов утра 25 апреля протоиерей Василий Виноградов отслужил первую панихиду, на которой присутствовали семья и ближайшие друзья генерала. Характерно, что Врангель завещал похоронить себя в знаменитой черной черкеске, хотя Крым покидал, как мы помним, в армейской форме, а в последние годы жизни ходил в штатском. Думается, это пожелание определялось тем, что именно в черкеске Врангель одержал свои самые громкие победы в Гражданской войне, в том числе взял Царицын. В четыре часа дня тело главнокомандующего было набальзамировано и одето в черную черкеску с орденами Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 3-й степени с мечами, черный бешмет и кавказскую кожаную обувь — чувяки. Гроб накрыли флагами, российским и Георгиевским — знаком главнокомандующего.

В некрологах, появившихся во многих эмигрантских газетах, отмечались заслуги Врангеля как выдающегося государственного и военного деятеля. Так, П. Б. Струве писал:

«Петра Николаевича Врангеля нельзя забыть. Его фигура, его поступь, его взгляд, его душевный облик, его душевный образ неизгладимо врезались в память и должны остаться в ней как нечто целое и большое. Врангель должен жить в нашей соборной, исторической памяти как могучий призыв к труду и подвигу. Мне вспоминаются многие часы, проведенные с Врангелем и в деловых, и в задушевных беседах. Поражал его быстрый и проницательный ум, его твердая, могучая воля.

Врангелю были чужды иллюзии. Это был ум строгий, и, в общем, скептический. Но, кроме ума, в нем был дух. И этот дух внушал всей его личности решимость поднять подвиг, как бы труден и безнадежен он ни был с точки зрения человеческих расчетов. Дух Правды и Подвига генерал Врангель завещал нам».

И. А. Ильин в некрологе Врангелю предрекал: «Белая идея есть русская национальная идея, которую строилась и держалась в истории Россия: христианская идея жертвенного служения, идея личной и национальной чести, идея всежизненного, беззаветного стояния за священные истоки русского духа и русской государственности... Всё то, что мы доселе обозначали словом “белое движение”, было только началом, пер-

вым, героическим порывом к осуществлению Белой идеи. Ей предстоит еще сказать свое светлое и властное слово и повести за собою русский народ».

В своем завещании генерал Врангель выразил желание быть похороненным в русской церкви Святой Троицы в центре Белграда, под сенью знамен Российской императорской армии. Король Александр устроил ему государственные похороны с воинскими почестями, оружейным и артиллерийским салютом. Они состоялись 6 октября 1929 года. На похороны съехались тысячи членов РОВСа, многие — в военной форме. Два самолета югославской армии, пилотируемые русскими летчиками, кружили над площадью и разбрасывали цветы. Панихида служили сербский патриарх и глава Русской зарубежной церкви митрополит Антоний. Лошадь Врангеля вели два георгиевских кавалера — казачий урядник и гвардейский унтер-офицер.

В похоронах приняли участие 363 делегации, возложившие более двухсот венков. Во времена Тито настоятель Троицкой церкви прикрыл гробницу, на которой была короткая надпись «Генерал Врангель», картиной-иконой «Суд Пилата». Ее убрали в 1968 году. Сейчас гробница Врангеля — в полном порядке.

Архив Врангеля был передан по его воле в Гуверовскую военную библиотеку при Стэнфордском университете США, позднее переименованную в Гуверовский институт. Передача архива произошла в два приема, в 1925 и 1929 годах.

После смерти Врангеля его вдова Ольга Михайловна осталась с четырьмя детьми, младшему из которых, Алексею, родившемуся в эмиграции, было пять лет. Старший сын, Петр, учился в университете на агронома, дочь Елена работала секретаршей. Семья жила на маленькую пенсию, которую назначил сербский король Александр.

Дочь Врангеля Наталья рассказала о дальнейшей судьбе его семьи: «Я вышла замуж. Мой муж имел в Бельгии хорошую работу. Он был инженер-химик, механик, работал в большой фирме. Сестра служила секретаршей у Крайслера. Ее муж возглавлял отделение Крайслера в Европе. А потом его перевели в Детройт. Это было в начале 1939 года. Моя мать в 30-х годах тоже отправилась в Америку читать лекции. В то время в Америке была масса очень богатых людей, которые могли официально не платить налоги. Они жертвовали матери деньги и говорили: “Мы вам даем деньги, и можете не давать нам никакого отчета. Делайте то, что вам надо”. Мать открыла на пожертвования два санатория. Один — около Белграда, другой — в Болгарии. Потом, когда все те, кто там лечился, по-

правились и разъехались, она решила эти санатории закрыть. Оставшиеся деньги пошли на оплату образования для молодых российских военных-эмигрантов.

Накануне войны мать решила вернуться домой, в Бельгию. Но только она приехала в Нью-Йорк и поднялась на пароход, по радио объявили, что началась война. Мать спросила у капитана: “Посоветуйте, что мне делать. Возвращаться или нет?” Тот ответил: “Нет. Оставайтесь, на море могут быть мины...” И она осталась в Америке.

Моего мужа после начала войны его компания направила на работу в Грецию, где мы и прожили почти два года. Затем опять вернулись в Бельгию. Там и оставались до того момента, когда узнали, что Сталину удалось после победы вытребовать у союзников всех русских, уехавших из России после революции. И мы перебрались в Америку.

После смерти мужа пришлось самой начинать зарабатывать на жизнь. Знаете, чем я занялась? Начала делать игрушки. Медведей. Буквально из ничего — брала кусочки материи и из них вязала игрушки. В результате я стала хозяйкой фабрики, на которой трудились 150 русских. Мне повезло, потому что таких игрушек в Америке не было. Все приходило из Германии. И из-за войны поставка игрушек остановились. Первое время я делала маленьких медвежат. А кончилось всё большим медведем, который пел “Травиату”».

Мария Дмитриевна Врангель после смерти любимого сына занималась сбором материалов по истории русской эмиграции. Она скончалась 18 ноября 1944 года и была похоронена на брюссельском Юккельском кладбище. Алексей Петрович скончался в Ирландии 27 мая 2005 года. Одним из его занятий было коневодство.

Старший сын барона, Петр Петрович, родившийся в 1911 году, жил в США, в штате Нью-Йорк, и работал инженером. В Россию он приехал только после распада СССР. Скончался он в 1990-е годы.

Старшая дочь «белого барона» Елена Петровна Врангель, по мужу фон Мейендорф, родившаяся в 1909 году, последнее время вдовьей жизни жила в Успенском Ново-Дивеевском монастыре Русской православной церкви за рубежом под Нью-Йорком. Там в 1968 году была похоронена скончавшаяся в 86 лет ее мать Ольга Михайловна, почти на 30 лет пережившая мужа. Сама Елена Петровна умерла в 1990-е годы.

Под Нью-Йорком в тихой обители Толстовского фонда проживает родившаяся в 1914 году младшая дочь П. Н. Врангеля Наталья Петровна, по мужу, внуку известного русского генерала, Базилевская.

Никто из потомков барона Петра Николаевича Врангеля не избрал военную стезю. Да и вообще среди всех представителей рода Врангелей во Вторую мировую войну больше не появилось ни одного полководца. Ни один из Врангелей ни в одной из армий не достиг генеральского звания — то ли в роду иссяк воинский дух, то ли время переменилось.

Врангель всю свою сознательную жизнь служил родине и монархии. Как полководец он проявил себя в Гражданскую войну. Здесь он одержал ряд выдающихся побед, наиболее громкой из которых было взятие Царицына. Врангель, кстати сказать, стал последним полководцем, которому удалось взять этот город. Фельдмаршалу Ф. Паулюсу, как известно, в 1942 году Сталинград так и не покорился. Однако в историю Врангель вошел прежде всего благодаря Крымской эпопее, когда он не только более чем на полгода продлил Гражданскую войну в Европейской России, но и попытался создать некую политическую альтернативу большевистскому режиму. Из всех белых генералов Врангель, несомненно, оказался самым лучшим политиком, но всё равно в силу объективных обстоятельств не смог победить большевиков. Если же сравнивать Врангеля-полководца с другими белыми генералами, то он, наверное, заслуженно займет первое место. Выдающихся побед у него было больше, чем у Деникина, Шкуро, Сидорина, Май-Маевского или Слащева, а поражений он фактически вообще не знал. Правда, он в итоге вынужден был эвакуировать Крым, однако никто, за исключением Слащева, не ставил ему это в вину и не считал поражением, из-за колоссального неравенства сил. Врангель был прежде всего кавалерийским генералом, но активно использовал новые средства войны — танки, броневики, самолеты. Его тактика во многом предвосхитила новые тактические приемы, нашедшие свое применение во Вторую мировую войну.

Врангель был честолюбив, но не сребролюбив. Порой честолюбие заставляло его даже нарушать воинскую субординацию, что особенно явно проявилось в его конфликте с Деникиным. За это он подвергался в эмиграции жесткой критике со стороны Антона Ивановича и близких к нему генералов. Но в чем Врангеля никто и никогда не мог упрекнуть, так это в том, что к его рукам прилипла хоть одна казенная копейка. Петр Николаевич как главнокомандующий располагал значительными денежными средствами и в Крыму, и в первые годы эмиграции, но, в отличие от некоторых других генералов, никогда не использовал даже малой их толики в личных целях. Даже тысячу долларов, взятую по его

завещанию из казны РОВСа для издания его «Записок», Врангель просил рассматривать не как безвозмездную ссуду, а лишь в качестве займа, с точным сроком его погашения. Он жил и умер почти аскетом. Недаром его называли последним белым рыцарем, с честью завершившим Белое дело в России и продолжившим его в эмиграции. Петру Николаевичу удалось до конца жизни следовать девизу рода Врангелей: «Сломишь, но не согнешь». Можно согласиться с И. П. Алексинским: Врангель жил и умер бедным, но гордым рыцарем, который и в поражении сохранил сознание собственной правоты.